ЧТО ГОВОРИТ ИВАН СОЛОНЕВИЧ

ИЗДАНИЕ ВТОРОЕ

НАША СТРАНА

БУЭНОС АЙРЕС — 1954

Что говорит Иван Солоневич

Буэнос Айрес

1954

Que dice Iwan Solonewitsch

BUENOS AIRES

1954

ЧТО ГОВОРИТ ИВАН СОЛОНЕВИЧ

ИЗДАНИЕ ВТОРОЕ

Исправленное и дополненное

НАША СТРАНА

БУЭНОС АЙРЕС — 1954

Copyright by Jorge Solonewitsch

ВМЕСТО ПРЕДИСЛОВИЯ

Иван Лукьянович Солоневич оставил политическое завещание. Оно сводится к двум мыслям:

1. Благо России может быть обеспечено только Монархией,

2. Монархия в России возможна только одна — НАРОДНАЯ, БЕССОСЛОВНАЯ.

Иван Лукьянович твердил это всегда — и в 1919 году в Киеве, когда я с ним познакомился в редакции "Вечерних Огней", и годом позже, в Одессе, когда он о народной Монархии говорил в советском подпольи нам, членам Союза Освобождения России; и со страниц своих газет и книг за рубежом; и в Уругвае, накануне смерти.

Иван Лукьянович был русским монархистом и, именно поэтому, он был человеком широкого кругозора, врагом всякой косности и всякого провинциализма.

Величайшая заслуга Ивана Лукьяновича перед Россией, перед Монархией, перед русским народом и перед нами, русскими монархистами, состоит в том, что он сказал во всеуслышание:

—"Монархия в России будет Монархией Народной или ее не будет вовсе".

(Из статьи С. Л. Войцеховского.
"Наша Страна" № 180)

ПРЕДИСЛОВИЕ К ПЕРВОМУ ИЗДАНИЮ

О Иване Лукьяновиче Солоневиче распространяется в печати масса лжи и клеветы. Это делается частью намеренно, частью по недомыслию или злобе.

Но никто не может задержать или остановить роста, поднимаемого им национального Народно-Монархического Движения.

Никто с бóльшим правом не может показывать нам путь к нашему национальному возрождению, как И. Л. Солоневич.

Он много страдал вместе с подсоветским народом и немало выдержал несправедлвиых и злобных нападок среди эмиграции.

Жизнь дорогого ему человека — жены — он трагически потерял в борьбе за общее наше дело.

Чтобы рассеять всю эту ложь, которая льется на лидера нашего Движения, мы печатаем выдержки из статей И. Л., написанных им в разное время в "Нашей Газете".

Мы предоставляем русским людям самим судить нашего храброго и талантливого патриота.

Каждый русский, который считает свое невольное пребывание заграницей, вне родного ему русского народа, прозябанием и унижением, должен стать в ряды тех, кого ведет смелый и горячий борец И. Л. Солоневич.

Штабс-капитаны.
Белград, 1940 г.

О БОЛЬШЕВИЗМЕ
И О СОВЕТСКОМ ПРАВИТЕЛЬСТВЕ

Большевистская революция, взятая в целом, есть попытка согнуть стальную пружину в бараний рог. Ежели на эту попытку посмотреть извне, то вы увидите стальную полосу, согнутую во что-то, внешним видом напоминающее выше указанную баранью принадлежность, если вы всмотритесь и вдумаетесь во внутреннюю сторону всей этой временной конструкции, то вы увидите, с одной стороны, колоссальное накопление и напряжение внутренних, так сказать, молекулярных сил и, с другой стороны — панический ужас власти перед тем неизбежным моментом, когда эта пружина разогнется. Если бы этой паники у власти не было — незачем было бы ей, на двадцатом году победоносной революции, расстреливать свои же собственные верхи. Если бы власть о накоплении этих молекулярных сил ничего не знала — то неоткуда было бы взяться и панике ("Голос России" № 105, 1938).

Сталин не является вождем русского народа, как об этом говорит советская пропаганда, а является деспотом, как об этом говорят факты.

Самый заклятый и самый беспощадный наш враг, — враг, впившийся во все артерии русского народа, враг, по капле выпивающий русскую кровь, — это есть большевизм.

Все остальное, это вопрос цены и вопрос о цене, которую нам платить придется совершенно неизбежно. Совершенно независимо от того о чем мы будем галдеть. ("Наша Газета" № 3, 1938).

Каждый год большевизм все выше подымает эту цену, которую России придется платить за его свержение, и ту цену, которою придется расплачиваться после его свержения.

Советская власть грабит мужика, закрепощает рабочего и расстреливает интеллигенцию, но не может сталинский режим истребить всю страну. ("Наша Газета" № 4, 1938).

Советская власть выросла из поражения и измены, и она идет по путям измены и поражения. Она была рождена шпионами, предателями и изменниками, и она сама тонет в своем же собственном шпионаже, предательстве и измене.

На двадцатом году революции, революционное поколение сходит с исторической арены, облитое грязью, кровью и позором: более позорного поколения история еще не знает. Очень небольшим утешением для нас может служить то обстоятельство, что русских людей в этом поколении очень мало. Это какой-то интернациональный сброд с преобладающим влиянием еврейства — и с попыткой опереться на русские отбросы. ("Наша Газета" № 6, 1938).

На пространстве одной шестой суши земной установлен противоестественный экономический режим, нацеленный на мировую революцию. Для насильственного поддержания режима создан политический строй, основанный на угнетении, насилии, шпионаже и терроре. Для поддержания этого насильственного строя создан сколоченный из сволочи аппарат партии актива и ОГПУ. В результате всего этого страна находится в состоянии непрерывной гражданской войны.

С каждым годом становится все более глубоким советский хозяйственный кабак.

На краю своей гибели большевики будут делать отчаянные усилия. Они будут и резать друг друга и вспо-

минать Суворова. И бросать бомбы в нас, и вопить о русском патриотизме. Будут резать и врать так, как никогда еще не резали и не врали за всю их белоснежную историю. Ко всему этому мы должны быть готовы. Мы должны быть готовы и к тому, что перед окончательной гибелью большевизма многие, очень многие из нас струсят и под лозунгом защиты Родины станут на защиту Сталина.

Миллионы русских душ борятся в СССР, отстаивая бытие свое против страшной тьмы и кровавой грязи, которыми большевизм пытается закрыть и замазать и свет и солнце русской жизни. Миллионы и миллионы русских мужчин и русских женщин погибли в этой борьбе, мучительно и страшно.

Мне страшно думать о судьбах миллионов, медленно и заживо сгнивающих в концентрационных лагерях.

Мне страшно думать о том лже-патриотическом словоблудии, которое яркими лозунгами прикрывает самое страшное, что было в нашей истории: попытки убить и тело и душу нашего народа.

В рядах коммунистической партии всегда боролись — борятся и сейчас две тенденции. Первая — это мировая революция, и вторая — это социализм в одной стране. Победа или поражение одной из этих тенденций не мотивируются и не вызываются никакими принципиальными соображениями. Здесь спор идет только о технической возможности. Возможно или невозможно нести в мир знамена мировой коммунистической революции.

Сталин выбрал компромиссную линию — укреплять на базе крепостного труда и беспримерного обнищания массы военную мощь, отечества трудящихся, и в то же время делать все, что только было технически возможно, для мировой революции.

С лозунгами мировой революции или без лозунгов мировой революции, большевистская власть в совершенно одинаковой степени является врагом русского народа ("Наша Газета" № 30, 1939).

В лице коммунистического правящего слоя нынче погибают верхи всей материалистической культуры современности.

Этот правящий слой сколотил блестящий, вероятно, еще невиданный в истории аппарат власти. Если из этого аппарата "перпетум мобиле" все-таки не получается, то тут не вина "изобретателей", а вина принципа: того, чего добиваются коммунистические изобретатели, — построить вообще нельзя.

Большевизм отдает себе совершенно ясный отчет в том, что его цели могут быть достигнуты только насилием. Поэтому все его внимание сосредоточено на организации аппарата насилия.

Однако агитация советской власти не ограничивается одними обещаниями — она пытается использовать, и отчасти использует, те "рабочие" инстинкты, инстинкты работы, которые живы в душе каждого русского человека, не изуродованного веками барского бездельного житья.

Использует также и боевые инстинкты этого народа. Если Сталину для защиты его власти и его территории понадобится сыграть на религиозном инстинкте народных масс, то возможно, мы увидим митрополита Сергия, благословляющего христолюбивое воинство на победу. Словом, кроме всяких словесно плакатных обещаний, советский режим, непрерывно балансируя на самых невероятных противоречиях, использует и ряд глубинных инстинктов народа.

Служилый слой СССР все время мечется между этими противоречиями.

В одних слоях — среди работников исполнителей — они создают целый ряд личных тупиков, в другом слое —в творческом — они приводят людей к принципиальной безвыходности.

Исполнительный слой страдает, работает и пытается лично извернуться в принципиально безвыходной обстановке. Творческий слой или пускает себе пулю в лоб или гибнет в застенках.

Подсоветская жизнь окрашена в два основных цвета: **личного героизма** и **принципиальной безвыходности.** ("Наша Газета" № 45, 1939).

Ленинская национальная политика — создание культур — "национальных по форме и пролетарских по существу" — окончилась не только провалом, как неизменно кончаются все большевистские предприятия. Она дала результаты прямо противоположные намеченным.

Общенациональное сознание русского народа, выковано не только общностью всей нашей исторической судьбы, но и общностью наших революционных испытаний.

Если французская революция сплавила бретонцев, провансальцев, гасконцев и прочих в единую французскую нацию, то в пламени большевистской революции все эти "мы рязанские", полтавские, тифлисские, минские и прочие переплавились тоже в одну нацию. Переплавка эта началась уже давно — задолго до революции. Всероссийский концентрационный лагерь, согнав в одни и те же бараки и великороссов и грузин, и малороссов, и чеченцев, переплавил этот конгломерат в одну и ту же семью.

Даже при большевистской интернациональной революции единство страны в общем все-таки удержалось. Неужели можно себе представить, что оно не удержится при национальной контр-революции . . . ("Голос России" № 105, 1938).

О ЦАРЕ И О МОНАРХИИ

Я — монархист, — стою на почве т ы с я ч и лет реальной и прозаической русской истории.

Политики, практики, п р о з а и к и — **это мы,** монархисты. Ибо мы и т о л ь к о мы опираемся на реальное прошлое, а не на шпаргалки о будущем.

Мы, монархисты, — мы, п р а в о с л а в н ы е люди, отдаем себе чрезвычайно ясный отчет в том, что "мир во зле лежит" и, что мы сами тоже во зле лежим, что попытка построения человеческого общежития на фундаменте несуществующего в природе — есть совершеннейшая ерунда.

Практики, прозаики, политики — мы. Романтики, мечтатели, фантасты — это **не мы.**

Мы, монархисты, в общем стоим на стороне любви, но признаем совершеннейшую необходимость виселиц за насильственную "романтику".

"Сословный уклад" в России б ы л . Или, точнее, — были его о с т а т к и . С Русской Монархией он не имеет ничего общего.

Против политического насилия над "волей народа" протестуем именно **мы,** монархисты. **Никогда** в истории Монархия не утверждалась путем насилия над народной волей. Противники же Монархии всегда действовали н а с и л и е м : убийствами, восстаниями, заговорами, "изменой и глупостью" во всех их многочисленных видоизменениях.

Мы, монархисты, "предрешаем" нашу грядущую политику в России, — но мы никак не собираемся "предрешать" ее грядущего политического строя...

Решать вопрос о будущем государственном строе России может только всенародное голосование. **Мы, монархисты,** самым кровным образом заинтересованы **в свободе** этого голосования и в свободе слова перед ним.

И создание Монархии в России и ее воссоздание после периодов всяких "смут" шло **всегда** путем "всенародного голосования". ("Наша Страна" №№ 23, 24, 1949 г.)

За всеми тяжкими извилинами нашего пути в Россию нужно иметь в виду нашу путеводную звезду.

Эта звезда есть Империя Российская.

У меня нет ни малейшего сомненяи не только в том, что монархия лучший выход для России, но что монархия для России — есть также и неизбежность.

Вера в монархию для меня такая же само собою разумеющаяся вещь, как вера в Господа Бога: ни без того, ни без другого — Россия восстановлена быть не может.

А так как она будет восстановлена, то с логической неизбежностью вытекает тот факт, что будут восстановлены и Православие и Монархия.

Но я не лукавый царедворец. Для меня монархия — не поприще для ловли счастья и чинов и не паркет для великосветских изгибаний.

Монархия, — это хлеб моей родины. Люди, которые отрывают от этой Родины кусок ее хлеба, — для меня, — враги.

Лучший лозунг, который может быть брошен в массы на другой же **день переворота,** — это лозунг **монархии.** Он — **нов** для СССР — **но он свой.**

Это лозунг гражданского мира, величия страны, это, если хотите, даже и лозунг "качества продукции" — "пила царского времени", "дом еще при царском режиме построен" и т. п.

Юность Великого Князя — это и недостаток, но и великое достоинство. Недостаток потому, что трудно в такие годы поднять на свои плечи страшный груз. Достоинство потому, что именно ему, Великому Князю Владимиру Кирилловичу — каяться не в чем.

Юный Великий Князь Владимир Кириллович является последней, самой последней надеждой на возможность возвращаться в Россию с прямым, гордо поднятым знаменем и Династии и Монархии. Если эта надежда будет сорвана, тогда и знамя Династии, и знамя Монархии нам придется временно свернуть.

Для нас Россия — прежде всего и выше всего.

На Великого Князя Владимира Кирилловича история возложила задачу чудовищной тяжести. Мы все должны в меру наших сил помочь ему разрешить эту задачу. ("Наша Газета" № 3. 1938).

Российская Монархия, при всей ее многовековой инерции, держалась не сама собой и уж, конечно, сама собой восстановлена быть не может. Для ее восстанов-

ления нужны сознательные и продуманные усилия очень многих людей, опирающихся на жизненные и для меня — неоспоримые интересы **народных масс России.**

Восстановление российской монархии возможно только в результате борьбы, в результате сознательных и продуманных усилий русских людей по обе стороны рубежа.

Наши монархические круги, которые вообще, по складу своего характера, гораздо более склонны к словам, чем к работе, к знаменам, чем к танкам, хотят видеть в монархии по преимуществу знамя. Я вижу в ней по преимуществу орудие, — самое мощное, каким мы только располагаем в борьбе за возрождение России — орудие успокоения и упорядочения страны.

Давайте поставим перед собой ясно, трезво и честно вопрос о том, что мы можем и что мы должны сделать для вооружения и восстановления основного стержня Империи Российской — ее монархии.

Для нас, как и для подавляющего большинства русского народа, монархия — это не только вывеска или приманка, а самый могучий двигатель в устроении и построении Империи Российской.

Если мы собираемся оперировать идеей Монархии не как знаменем, а как орудием, — перед нами встает другая и очень важная задача. Нужно очистить эту идею от всякого рода реакционного, плотоядного вожделения тех людей, которые совсем всерьез думают, что благодарное послесоветское население с поклонами принесет им ключи от их латифундий, от титулов, чинов, привилегий и прочего в этом роде. Ничего этого не будет. Будет труд, труд упорный до жестокости, будет великая оценка всякой способности, всякого умения и всякого таланта. Будет труд огромный, созидательный и радостный, но на старых привилегиях нужно поставить крест. Нужно поставить крест на всем том вяземском, избяном и лубочным стиле, которым еще питается некоторая часть нашей эмиграции. Этот стиль умер бесповоротно, как умерли марксизм галантного

века или феодальные замки немецких Раубриттеров — рыцарей-разбойников.

Мужицкие чаяния все сходятся на монархии.

Советская интеллигенция, взятая в целом, поддержит монархию или под давлением народных масс, или в результате грядущих разочарований.

Усилиями целого ряда лет, целого ряда лиц, партий и организаций монархическое зарубежье оставлено совершенно без руля и вез ветрил.

Отсутствие монархической интеллигенции и по ту сторону и по эту сторону рубежа — есть самая слабая сторона монархического движения и самая сильная угроза будущему российской монархии.

Было бы преступлением закрывать глаза на тот факт, что этот участок монархического фронта оголен вовсе. Именно на этом участке следует ждать **прорыва вражеских сил.**

Фразеология, которою оперирует большинство наших монархических течений — устарела безнадежно и окончательно.

Они просто не умеют говорить современным языком.

Поэтому, идейного "приводного ремня" от монархии к массам ни по ту, ни по эту сторону рубежа у нас не имеется. ("Наша Газета" № 31. 1939).

Я провозглашаю лозунг: "За Веру, Царя и Отечество" — старый лозунг, но с принципиально иным содержанием.

Под таким же лозунгом выступают, скажем, и другие люди. Скажем, — крупнейшие помещики старой России.

Для них смысл будет такой: мои 120.000 десятин.

Для мужика: мои 5 десятин.

И кончено. И в тот момент, когда я стану в один строй со светлейшим князем, я перед лицом русского мужика совершенно погибший человек.

Русская Монархия может быть или помещичьей,

или народной, но она не может быть: и помещичьей и народной.

Лозунг дворянско-помещичьей монархии означает для России новую гражданскую войну ("Наша Газета" № 35. 1939).

Было время, когда мы, русские, были велики и сильны. Это было тогда, когда физическая и духовная боеспособность сливались в одно.

Когда монархия не была только политической вывеской, а православие не было только молебнами или панихидами. Когда мы по-суворовски были "р у с с к и е", а, следовательно, **"с нами был Бог".**

Сейчас пытаются строить без православия — и из великолепных кирпичей получается, чорт его знает что: что-то среднее между Дворцом Советов, уборной и просто кучей отвратительного мусора. ("Наша Газета" № 48. 1939).

Российская Империя даже в ее нынешнем изуродованном и залитом кровью лике — есть результат самой высокой государственной культуры, какая только была на земле со времени падения Римской Империи.

Теория политической несознательности русского народа есть теория совершенно чепуховая.

Монархия возникла в России не потому, что народ был несознательным. Она возникла именно вследствие огромной, может быть, и инстинктивной политической сознательности народа.

"Молитву творя,
Чтит народ и царя,
В ком ни сердце ни ум не шатается."

Неужели вы объясните политической отсталостью мужика, тот факт, что на всем протяжении своей истории он неизменно и дубиной, и штыком поддерживал власть монархии против всех ее врагов?

Большевики доказали мужику, что демократией

правит класс капиталистов. Что демократ-избиратель никого не может избрать, ежели бы он и хотел.

Но русский народ увидал, что и советские вожди никого не просили их выбирать.

И по этой именно причине русский мужик стоял и будет стоять за ту власть, которая заинтересована в его, мужика, интересах.

То-есть, в интересах страны.

Большевистская пропаганда сделала часть своего дела, нужного и для нас. Истоки демократического режима она разоблачила полностью. Советская практика полностью разоблачила и теорию советской демократии. Что остается?

Остается то, чем мы жили тысячу лет. ("Наша Гезета" № 58. 1939).

О НАСТОЯЩЕМ МОНАРХИЗМЕ

Народно-Монархическое Движение (или "Штабс-капитанское движение") построено на категорической борьбе против всяких остатков сословного строя в России, что означает требование о т к а з а от какой-бы то ни было дворянской политики.

Дворянская политика — попытка остатков нашего правящего слоя **сорвать** в России восстановление Монархии.

Восстановление Монархии может быть сорвано и слева и с п р а в а. ("Наша Страна" № 32. 1949).

Ни Империя, ни Монархия, ни Православие не могут быть восстановлены ни теми методами, ни теми руками, которые все это привели к гибели.

Монархическая тактика Зарубежья **должна быть модернизирована**... Модернизация монархической тактики связана с огромными внутренними затруднениями.

Но эта модернизация — есть вопрос жизни или смерти монархического движения вообще, и не только в эмиграции, но и в России. ("Наша Страна № 105. 1951).

Типично Русскую форму Монархии я называю самодержавием. Это — **не** абсолютизм, это — по выражению еп. Серафима Троицкого, — **симфония совместной работы Церкви, Царя и Народа".**

Монархия — это не тоталитарный режим. ("Наша Страна" № 32. 1949).

Одна из первейших насущных потребностей будущей России — это **сильная власть.**

Русский народ это: а) крестьянство, б) пролетариат и в) интеллигенция. Подавляющим большинством будущего всенародного голосования является **крестьянство.** Оно же, больше, чем какой-либо иной слой населения страны, нуждается в твердой, **в Царской власти.**

Судьбы России в самом основном будет решать крестьянство и крестьянская интеллигенция — это около 80% массы голосующих.

Мы говорим о самодержавии Московских Царей, —"самодержавие" с земскими и Церковными Соборами, с Патриархами, со всероссийскими съездами городов, с судом присяжных.

"Низы" поддерживали самодержавие **всегда,** — от Шелонской битвы, через Смутное Время и до Февраля 1917 года, — не "низы" же ездили в Ставку требовать отречения Государя Императора...

"Самодержавие" есть защита низов, а никак не утверждение привилегий.

Великие Князья Московские боролись с уделами, Цари Московские с княжатами, от Павла I до Николая II монархия боролась с дворянством.

Наш исторический опыт очень неутешителен для "конституции"... Не говоря уж о февральской и даже о сталинской конституции сегодняшнего дня.

Свеженький опыт Европы утверждает, что партийная система не гарантирует ровным счетом ничего. ("Наша Страна" № 39, 1949).

В Царской России не было ни одного небоскреба, но у всех людей было **свое** и никак не уплотненное **жилье.** Сейчас Советы судорожно строят небоскребы, а жить негде. ("Наша Страна" № 152. 1952).

У дипломатии Царской России было **то,** чего нет и не может быть в странах классических демократий: — **последовательности.**

Русские Цари "планировали" в десятилетиях, — как Император Николай II-ой планировал "Тихоокеанскую проблему". Или в столетиях, как Императоры Всероссийские, начиная с Павла Петровича и кончая Николаем Александровичем, планировали ликвидацию сословий. ("Наша Страна", № 62. 1950).

Европейской учебы совершенно достаточно. Давайте, — домой, в Москву. Не в Москву Ленина-Сталина, а в Москву Алексея Михайловича — где был достигнут апогей нашей внутренней гармонии — не на юридических основах, а на религиозно-нравственных.

Постараемся вернуться к принципам **Веры, Царя и Отечества** и пойдем дальше — **к себе домой:** к ценностям, проверенным тысячью лет, а не выдуманным в 10.000 книг.

Монархия состоит в единоличном выражении идеи **всего национального целого** ("Наша Страна" № 40. 1949).

Монархию Российскую будут или не будут восстанавливать **те** люди, которые сейчас проживают в СССР, — в основном, конечно, **колхозники.**

Русское Самодержавие — в старой Москве работало рука об руку с народным представительством, с Церковными Соборами, с Земскими Соборами и с Боярской Думой. Реформы Петра I-го покончили со всем этим.

Основная ошибка Государя Императора Николая Второго заключалась в том, что вместо **Земского Собора** был созван парламент (Государственная Дума).

В партийный парламент попадают **отбросы интеллигенции.**

Соборы были **органическим** представительством **нации.**

"Американская" демократия может быть и хороша, но она нам **не по карману, в частности** потому, что вся наша история требовала от нас железной государственной **дисциплины.**

Вся сумма человеческих свобод в Росссии Императора Николая 2-го была **значительно** больше, чем в Англии м-ра Эттли и, вероятно, не меньше, чем в Америке м-ра Трумана . . . ("Наша Страна" № 35, 1949 г.).

Участие или неучастие русского народа в предстоящей борьбе — (Третьей Мировой) может решить ее исход. Для нас всех, антикоммунистических русских людей, — это есть **ключевая позиция.** Если мы ее пропустим, если она попадет во враждебные России руки — то, может быть, долгими десятилетиями придется России залечивать новые раны и отстраивать тысячелетнюю государственность. ("Наша Стр." № 37, 1950).

Мы переживаем, может быть, самое смутное время нашей истории.

И как во все наши смутные времена у нас остается одна Организация, выдержавшая и испытания веков и мытарства эмиграции: это **наша Православная Церковь.**

И как в старое Смутное Время, мы должны искать

нашей главной опоры именно в ней, **в Церкви.** ("Наша Страна" № 37. 1950).

Выборная Монархия у нас **невозможна,** и для нее нет **абсолютно** никаких оснований.

Стиль будущей русской Монархии ген. В. Бискупский определил так: **"Рабоче-крестьянская монархия".**

Это правильно по существу — в России остались: рабочие, крестьяне и интеллигенция, вышедшая почти исключительно из рабоче-крестьянской среды.

Россия будет нуждаться в сильном правящем слое.

У Престола **должны быть сильные люди,** а не "придворный сброд". Так было в старой Москве.

Так **должно** быть и в новой Москве.

Петербургский период нашей истории **кончился.** ("Наша Страна" № 98, 1951 г.).

Зарубежная интеллигенция может сыграть **только одну роль — роль идейной закваски.**

О д н о из очень нужных нам предприятий заключается в очистке русского прошлого от всей той грязи, которою облепили его наши "сеятели" еще с до-революционных времен. Однако, если возражать против этой грязи, то нужно искать возражения, во-первых, п р а в д и в ы е, а, во-вторых, — хотя бы п р а в д о п о д о б н ы е. ("Наша Страна" № 127, 1952).

Монархизм, взятый без прилагательного, не обозначает **ничего.**

Монархизм, взятый, как **принцип,** обозначает личную наследственную **власть** — ограниченную или неограниченную, это уже другой вопрос.

Он может быть и социалистическим (Англия), и фашистским (Италия), и Абдул-Гамидским (Турция), — может носить характер деспотии древнего Востока, просвещенного "абсолютизма", прикрывающего дикта-

туру класса, может носить **освободительный** характер, который носила русская Монархия от Императора Павла 1-го до Императора Николая 2-го.

Народно-Монархическое Движение стоит **за частную** инциативу и за реальную свободу.

Оно считает, что все это России может гарантировать только **Монархия** и **только Она одна.** ("Наша Страна" № 129, 1952).

О ЗАКОННОМ ВОЖДЕ

В своем рескрипте (Апрель, 1949 г.) Великий Князь Владимир Кириллович еще раз подчеркивает Свое решение стать "на трудный путь действенного служения Родине" и "притти на помощь всем верным заветам нашей тысячелетней христианской традиции". Таким образом, Монархическое Движение получает, наконец, своего законного Вождя. И вместе с этим, надо надеяться, — прекратятся те поиски, которыми белая эмиграция занимается уже более 30-ти лет — поиски вождя. Или вождей...

Все "имена", которые может выставить эмиграция, все они являются только суррогатами имен.

Вся эмиграция есть общее собрание политических банкротов. Во всей эмиграции есть только одно **имя,** которое свободно от всякого банкротства, — это имя **Главы Династии.**

Это **имя** — и только оно одно — имеет значение для России. Имеет силу **взрыва,** далеко превосходящую все атомные бомбы...

...Ибо массы поверят только Дому Романовых — и больше не поверят **никому.** Я этого не "думаю", я в этом не "убежден" — я это **знаю.**

Я повторяю еще раз: **имя Главы Династии** мы должны беречь, как зеницу ока.

Моя точка зрения сводится к тому, что **имя "Отрока из Дома Романовых" — есть орудие самой страшной**

силы — психологическая бомба, которая может поднять против Советов в с е н и з ы . ("Наша Страна" — №№ 23, 98, 116. 1949-1951 г.г.).

О НАШИХ ЗАДАЧАХ И ЦЕЛЯХ

Россия — больна. Довольно ясно, что эта болезнь не случайна, и довольно ясно, что для правильного прогноза лечения болезни нужно знать и ее диагноз. Раньше: отчего и чем мы больны, и только потом — чем и как эту болезнь лечить.

Свергнуть советскую власть мы не можем никак. Это просто утопия. Но влиять на иностранцев мы можем, хотя и в какой-то очень скромной степени, но и эту скромную степень нам нужно использовать до конца, — что мы в общем и стараемся сделать.

Задача нашего Народно-Монархического Движения и "Нашей Страны" заключается главным образом в защите нашей национальной традиции, проверенной жизнью 11-ти веков, в борьбе за совесть и за ее диктатуру. В борьбе против всякого прожектерства и всяких новых вивисекций **всякой** бюрократии и всякой единой партии.

Наша основная цель — борьба за диктатуру совести.

Русская монархия никогда не была абсолютизмом. Основная черта русского характера и истории — **тяга к совести** — определяет собою характер нашей религии, нашей литературы и характер нашего образа правления. ("Наша Страна" № 3. 1948 г.)

"Наша Страна" является единственным в эмиграции печатным монархическим органом, которая пытается сказать **в с ю** правду.

Общая линия "Нашей Страны" — есть по самому

существу своему — **Столыпинская линия:** борьба и с революцией и с реакцией — во имя России и Монархии. ("Наша Страна" №77. 1951 г.)

НАШИ ЗАДАЧИ

1. России необходим новый правящий слой — **русский, народный, национальный и образованный политически.**

2. **Русский — потому, что мы работаем для России, а не для какого-бы то ни было интернационала.**

3. **Народный, а не сословный, классовый** или **кастовый.**

4. **Национальный,** а не **космополитический, беспочвенный.**

5. **Политически образованной,** а не **аполитично безграмотный.**

6. **Без такого** слоя не может существовать никакая послесоветская Россия — **ни монархическая,** ни **республиканская.**

7. **"Наша Страна"** пытается положить **основы создания монархического правящего слоя будущей России.**

Наша настоящая работа для России начинается только **после** советской власти. Все, что мы делаем сейчас, — это только **приготовительный** класс.

Мы предупреждаем: вопрос идет не о восстановлении старого стиля жизни и администрации — дело идет **о новом стиле,** социально и **исторически** обусловленном всем ходом исторического развития России.

Мы строим, или пытаемся строить, монархический правящий слой. Строим новую, народную, национальную и монархическую и н т е л л и г е н ц и ю. Эта интеллигенция дожна быть **политически образованной.** Или по меньшей мере, **политически грамотной.**

Мы готовим людей, по возможности, точно информированных политически и по возможности **трезво политически** мыслящих.

Мы пытаемся дать продуманный **анализ:** вот что получается, когда людям преподносят заведомо фальшивую информацию и реальные **факты** нашей горькой истории последних десятилетий подают, как шоколадную конфетку, начиненную стрихнином.

Нам нужны: точность информации и **ясность мышления.**

Нашей задачей является: работать для оформления того слоя людей, у которых горячая любовь к Родине была-бы слита с холодным анализом всех опасностей перед ней стоящих и всей тяжести работы нам предстоящей. ("Наша Страна" №66. 1951 г.)

НАША ЦЕЛЬ

Наша обстановка, как и наше прошлое, очень сложны.

В годы Белой Борьбы знамя Монархии **могло** спасти Россию, — была одна обстановка.

Сейчас знамя Монархии над русской армией поднять технически невозможно и политически нецелесообразно, — другая обстановка. Что, однако, не исключает и **не** может исключить нашей подготовки — **идейной.** ("Наша Страна" №105. 1952 г.)

Наша цель — восстановление русской Монархии. Но не монархии "вообще", а такой, при которой не было-бы цареубийства, при которой "высший свет" не клеветал-бы на Царя и Царицу, при которой генералы не изменяли-бы присяге и "народные представители" не орали-бы о "глупости и измене", при которой былибы невозможны ни 1917-ый, ни 1905-ый годы, при которой у нас с вами была-бы свобода личности, труда и прочего, при которой Церковь не управлялась-бы оберпрокурорами, при которой нация не была-бы поделена на "черную и белую кость" ...

Это не "новомонархизм". Это — **древнемонархизм.**

Все это **было** на Руси при Алексее Михайловиче и всего этого Россия лишилась при Петре Алексеевиче.

Нам решительно нечего шарить по помойным ямам западно-европейской философии, а нужно заняться "мобилизацией внутренних рессурсов" в нашем собственном прошлом и в наших собственных мозгах найти источники нашего национального возрождения.

Для нас **большевизм есть враг** совершенно независимо от того, какого качества подметки вырабатывает советская кожевенная промышленность.

Позиция нашего Движения следующая — вся наша трагедия объясняется "отрывом интеллигенции от народа", а этот отрыв родился и закрепился "реформами Петра Великого". И самый страшный в нашей истории **внутренний раскол** был совершен в период его преемниц...

"Корни революции" в эпохе Петра. Эта оценка — есть оценка той новой русской интеллигенции, которая родилась, так сказать, под знаменем концентрационных лагерей. Эта оценка **все равно** будет кем-то сформулирована.

Это есть — основной пункт понимания и нашей истории и нашей революции: измена нашему собственному национальному лицу.

Мы сейчас расплачиваемся за ошибки XVIII-го столетия. Будем работать над тем, чтобы дети наши не оказались тем "седьмым коленом", которое, по Библии, оплачивает грехи отцов. ("Наша Страна", № 29. 1950 г.)

О НАЦИОНАЛИЗМЕ

Партия националистов в безвременно погибшей Государственной Думе была партией крупнейших помещиков юго-запада и запада России. Во главе этой партии стояли такие земельные киты, как Бобринский, Балашев, Крупенский. Денег на "национальную работу" они, впрочем, не давали ни копейки, — деньги давал Столыпин — через Крыжановского и Балашева.

Столыпин опирался на эту партию, которую он и создал, ибо ему прежде всего нужна была какая-то опора в верхах, в пресловутых "сферах". Для этого нужны были помещики — и крупные. Юго-западные помещики были выбраны потому, что они, во-первых, — представляли собою тот окраинный русский элемент, который веками вел войну с полонизацией и, во-вторых — потому, что в этих местах не было общины, и юго-западные помещики не имели никаких экономических оснований ставить палки в колеса столыпинской реформе. Центральные помещики — ставили, ибо опасались усиления и без того усилившегося крестьянства. Вот вам "социально-исторические" корни столыпинской партии националистов.

Вообще-же говоря, "национализм" в довоенной России был полностью монополизирован самыми реакционными группами страны — по преимуществу поместным дворянством. Этот национализм ни в какой степени "национальным" не был.

Что-же, собственно, характеризует или должно характеризовать настоящего националиста?

Прежде всего — **любовь и уважение к своей нации** — т .е. к своему народу. Если нет любви — просто не о чем и говорить. Если нет уважения — то нельзя ни оправдать государственного бытия нации, ни верить в ее будущее, ни утверждать некий верховный — уже религиозный — смысл существования этой нации на земле. Нельзя говорить о роли нации в строительстве земной жизни человечества.

Русская нация — это не "Россия", не "страна", не "обыватели". Это — **Русский Народ,** — тот народ, который, по терминологии "национального" журнала "Возрождения" обзывается "простолюдинами". Этих "простолюдинов" 98 % "России". Без **уважения** к ним — к их жертвам, к их способностям, к их государственному инстинкту — верить в Россию — нельзя. Следовательно, нельзя быть националистом.

Признавая за русским народом особую, неповторимую в мире, историческую роль, признавая его особое,

неповторимое в мире, индивидуальное и духовное лицо, — его **"я"**, — нельзя подчинить это **"я"** никакому не русскому духовному и прочему руководству.

Русский националист— желающий блага России — т. е. в первую очередь русскому народу — т. е. в первую очередь 98 % его "простолюдинов", — обязан этих "простолюдинов" вооружить самым современным умственным, экономическим и физическим оружием — какое только в состоянии дать самая современная культура. С этой точки зрения наши "правые", наши, извините за выражение, "националисты", были явлением глубоко **антинациональным:** они всячески препятствовали всяческому вооружению русского народа — и умственному, и духовному, и промышленному, и просто скорострельному. Та борьба, которая шла в русской армии, — борьба против парового флота, борьба против нарезного оружия, борьба против скорострельной артиллерии, борьба против пулеметов (хотя-бы тот-же Драгомиров) и которая приводила наши армии к разгромам, — является только одним из самых ярких выражений антинациональности наших "националистов".

Национализм может быть только **прогрессивным.** Реакционный национализм — это нелепица, — это тот национализм, который постарается обеспечить своей нации всяческое отставание и вести ее ко всяческим поражениям — и во вне, и внутри.

Дворянский национализм — национализм сословия — являетеся логической нелепостью. Сословие, которое в течение более чем столетия имело **все права** — права на владение землей, на владение крепостными, на образование, на государственную службу, на ношение дворянского мундира и на прочее — и которое ухитрилось увильнуть от каких-бы то ни было **обязанностей** — было болезненным явлением на теле русской жизни — потому и погибло.

Настоящий национализм не может не быть **демократическим** — ибо он признает права **всего народа,** всей его массы, всех 98 % его "простолюдинов" — и

обязан предоставить широкие возможности и всякому таланту из среды этих 98 %.

Как видите — приходится доказывать невероятно оригинальные вещи. Так сказать, открывать невиданные доселе Америки. Приходится (и это в году от Рождества Христова 1940-м . . .) объяснять, что русский националист обязан **уважать** свой народ, обязан о нем заботиться, обязан стремиться поставить его и культурно, и экономически, и политически выше остальных народов мира. Что для всякого **настоящего** националиста — на первом месте не нашивки, титулы и **права,** а **работа, жертва и долг.** Не "традиции", а вооружение.

Несколько менее ясен вопрос о демократизме. Как и с национализмом — получилась путаница в терминах и тут. Если этот термин мы будем понимать в его буквальном переводе — "народоправство", то демократия просто окажется в ряду утопий — может быть, и не плохих, но, все-таки, утопий. Народ, в его целом, править не может — как не может "весь народ" писать картины, лечить зубы, командовать армиями, проектировать мосты. Здесь нужен "специалист", которому народ будет доверять. В наших русских условиях таким "специалистом" был Царь.

Истинный национализм неразрывно связан с истинным демократизмом — ибо он включает в себя **уважение** ко всему народу, ко всей нации, черпает силы из всего народа и из всей нации и борется со всякой кастой. Он всегда находил в себе силы и таланты, и он найдет их и теперь. А мы — мы должны поддерживать всякую русскую силу, а не слабость. И всякий русский талант, а не бездарность. И наш лозунг, лозунг прогрессивных русских националистов можно-бы формулировать так: **вся власть — русским мозгам** ("Родина" № 3 1940 г.).

О РУССКОЙ ЭМИГРАЦИИ

"Потеря времени смерти безвозвратной подобна". Те люди и тот слой, которым история вверила великое

русское наследие, потеряли, проворонили и прошляпили слишком много времени. И продолжают действовать в том же духе и дальше. Закутывают головы, — и свои, и чужие, — обрывками старых лозунгов и старых знамен и, для вящей слепоты и глухоты, прячут эти головы в песок давно выцветших фраз. ("Наша Газета" № 3 — 1938 г.).

Но совершенно естественно, что среда, которая ставит чин выше личности, происхождение выше таланта и традицию выше требований жизни, никакого вождя выдвинуть не может.

Именно поэтому в зарубежьи такого вождя **нет.** И именно поэтому эмиграция, может быть, сможет в своей среде **выковать** вождя — и выковать его именно в борьбе с эмигрантскими традициями. ("Наша Газета" № 5 — 1938 г.).

Правящий слой до-революционной России, выпустивший власть из своих рук дряхлеющих, — слой трижды разбитый: мировой войной, революцией и гражданской войной — остался правящим и руководящим слоем национальной части русской эмиграции. Этот слой и есть то болото, которое засушивает, засасывает, заливает грязью все, что есть в эмиграции молодого, действенного, мыслящего и жертвенного. И я не совсем уверен в том, что эти обломки так уже действительно хотят вернуться в Россию.

Страшно им перед новой Россией.

Но из-под авторитетного и превосходительного слоя обломков былых поражений с великим трудом пробиваются стальные ростки новой национальной России. Да, они признают авторитеты. Но авторитет воли и ума.

Нужно без жалости по очереди отбросить все то, что для живой борьбы за Россию уже непригодно. Нужно отбросить те обломки, которые много позабы-

ли — позабыли прежде всего свои собственные ошибки, но которые не научились ровно ничему — не научились даже на своих собственных ошибках.

Это мертвый слой. Поставим на него крест и пойдем дальше ("Четыре Года"" — 1940 г.).

Если когда-нибудь будет написана история плодотворной деятельности верхов нашей эмиграции, то перед читателями восстанут жуткие картины. Эти картины будут очень поучительны. Они заставят нас понять, под чьим именно руководством дошли мы до жизни такой, заставят, может быть, почувствовать некоторую страшную историческую закономерность: ничего иного и получиться не могло.

Можно утверждать, что в после-революционные годы власть, **как правило,** приходит из эмиграции.

Можно утверждать также, что русская эмиграция— явление беспримерное в истории мира, как по количеству, так и по качеству этой эмиграции. Потрясающая политическая слабость этой эмиграции, как мне кажется, объясняется только одним: старый правящий слой слишком долго засиделся на ее верхах. В результате этого, все наиболее энергичное и талантливое — от политической жизни устранено. ("Наша Газета" № 15 — 1939 г.).

Мы слишком много ошибались и слишком дорого стоили эти ошибки, и нам, и еще больше нашему народу. Долг нашей совести и долг нашей чести, — принести в Россию нашу **Белую Идею,** очищенную, как на исповеди, от всех наших ошибок и от всех наших грехов.

Нам нужна исповедь перед Россией. ("Наша Газета" № 17 — 1939 г.).

Сколько блестящих актерских одежд и бутафорских декораций упало бы перед глазами нашей совести, если бы мы захотели быть искренними сами с собой.

Мне очень стыдно и больно прежде всего за свою собственную слабость и за свои собственные ошибки.

Но мне стыдно и за очень многих так называемых "представителей национальной общественности и нашей национальной прессы".

Мне стыдно за наши бесконечные споры, сплетни, взаимную клевету, помои, ссоры и дрязги. Стыдно за нашу никчемность, мелочность и злобность, за нашу неспособность к подвигу и к настоящему жертвенному служению.

Стыдно прежде всего — перед Россией. ("Наша Газета" № 20 — 1939 г.).

На основании четырехлетнего эмигрантского опыта я знаю уже очень много горьких истин.

Самая элементарная попытка, самой очевидно нужной работы, встречается в эмиграции издевательствами, штыками и клеветой, и бойкотом ("Наша Газета" № 15 — 1939 г.).

Мы сидим в дыре — это вне всякого сомнения, объяснить эту дыру можно только двумя способами: или эмиграция никуда не годится, или ее как-то провели.

Но ведь эмиграция в основном, не аристократы и не миллионеры. Это служилый слой. ("Наша Газета" № 57 — 1940 г.).

Служилый слой в довоенной России состоял из мелкого дворянства, иногда оставшегося вовсе без земли, из разночинцев, выходцев из других слоев народа: купечества, мещанства, крестьянства, духовенства, казачества. Когда я говорю о служилом слое — я включаю

в него и всю довоенную интеллигенцию: для служения России вовсе не обязательно состоять на государственной службе.

Служилый слой не был единым. Если вне государственной службы происхождение не играло решительно никакой роли, то на государственной службе оно, все-таки, отделяло привилегированные слои от "податного сословия". Если служилый слой и "служил России", то очень уж по разному. Офицерство защищало землю русскую. Неслужилая интеллигенция строила русскую культуру. Блестящая наша техническая интеллигенция — во все свои лопатки догоняла Америку, — и если бы не революция, то к нынешним временам почти догнала бы ее. ("Наша Газета" № 45 — 1939 г.).

Русских людей зарубежья обманывают с двух сторон. С одной стороны говорят: вы никому не нужны. С другой — только вас и ждут для командных постов. И то и другое — вранье. Ждут культурных национально и политически подготовленных русских людей. Ждут священников и педагогов, земских начальников и полицмейстеров, юристов и землемеров, инженеров и агрономов, но не ждут никаких командиров. И паче всего ждут людей, политически образованных и политически мыслящих, из которых каждый мог бы объяснить, как и почему его личная работа нужна для процветания Империи.

Из которых каждый мог бы объяснить, хотя бы схематически, как дошли мы до жизни такой и как нам из этой жизни выкарабкиваться.

И если мы будем говорить о национальной гордости — то давайте будем говорить откровенно. Без всяких "ура", без "шапками закидаем": нация гордится многим — и поэтами, и учеными, и столицами, и усадьбами, но по настоящему она гордится только армией.

Народ хочет видеть свою армию и доблестной, и героической и все такое, но прежде всего он хочет видеть свою армию **непобедимой.** ("Наша Газета" № 51 — 1940 г.).

Вся моя полемика о генералах и о традициях, о стариках и о верхах имеет, в сущности, целью поставить вопрос в такой плоскости: в какой именно степени работа русской военной мысли, работа командного интеллекта, соответствовала в течение последних ста лет беспримерной жертвенности нашей армии, ее беспримерному героизму и ее **беспримерным потерям.** Мне отвечают набором героических легенд. Это вовсе не ответ.

Наше прошлое должно быть пересмотрено. В особенности наше военное прошлое за последние сто лет. Истоки нашего народного духа, творца и империи, и православия, и монархии, и армии, и литературы, и искусства должны быть очищены от всяких ошибок, принесенных нам по большей части извне.

Наша болезнь заключается в шляхетско-крепостнической реставрационно-классовой психологии тех людей, которые монополизировали национальную идею. Это есть самый основной и самый больной вопрос нашей политической жизни. ("Наша Газета" № 20, 1939 г.).

О ШТАБС-КАПИТАНСКОМ (НАРОДНО-МОНАРХИЧЕСКОМ) ДВИЖЕНИИ

Нужно уметь различать всякую групповую психологию от психологии обще-национальной.

Человек, который обобщает групповую психологию, как национальную, может быть только классовым политиком. Но ставить проблемы национальной политики ему очень трудно.

Для него —его группа всегда будет **солью земли.**

С моей точки зрения соль земли русской распределена приблизительно одинаково. Она и в мужике, который шел на войну почти безоружным, она и в офицере, который умирал впереди своих почти безоружных солдат, она и в инженере, который пытался добывать русское железо для русского плуга и для русского меча; она и в священнике, который благословлял и плуг

и меч; она и в русском враче, лучшем из всех врачей мира.

Вне вот этой общерусской соли остались все группы, которые в России видели пирог. Я не могу найти в себе уважения к русской буржуазии, которая, конечно, делала очень нужное дело: выращивала русскую промышленность.

Но подвиг этот — жертвы не требовал, доходы же давал аховые. Из этих доходов русская буржуазия отваливала миллионы на разрушение русского государства. Исторически это была попытка свалить поместный слой и на его развалинах утвердить власть Его Величества Рубля. Для государственной работы уже этих рублей не оказалось.

Для создания Белой армии буржуазия дала гроши, большевикам она дала сотни золотых миллионов, ибо большевики брали, не спрашивая ничьего разрешения.

Не могу найти в себе уважения и к поместному слою, который в момент катастрофической развязки не нашел в себе мужества, добровольно и за некую плату отдать то, что всем ходом истории было неминуемо обречено на сдачу.

Соль земли находится там, где люди умеют служить и жертвовать собою.

По моей терминологии — **среди штабс-капитанов.** ("Наша Газета" № 39, 1939 г.).

Я не пытаюсь даже и утверждать, что какие-либо "штабс-капитанские организации" существуют и в СССР. Не существуют. Но существует ненависть к Советам, о которой наши эмигрантские генералы и понятия не имеют.

Основное направление жизни будущей России определится опытом и страданиями всей России.

Мы обязаны знать — и эти страдания, и этот опыт, и те выводы, которые из страдания и опыта двадцати лет вынесли полтораста миллионов русских людей.

Все Штабс-Капитанское Движение на то и расчи-

тано, что бы штабс-капитанов и этих полтораста миллионов подсоветских русских людей объединить в одно стальное целое. ("Наша Газета" № 34, 1939 г.).

Наше Движение только что зарождается.

Его идеи принципиально отличны от всего того, что имеется в эмиграции. Они выковывались долго и мучительно. Может быть более мучительно, чем у кого бы то ни было из моих современников.

И корни его — не в немецкой философии. А в **русских полях.** ("Наша Газета" № 35, 1939 г.).

Оно зарождается более или менее параллельно в концлагерях, и в зарубежьи.

Штабс-капитаны пойдут в Россию не для взыскания потерянных капиталов, а для службы России.

Штабс-Капитанское Движение — Движение Имперское, Национальное, Православное и глубочайшим образом Народно-Демократическое — ибо в Монархии мы видим скрещение и закрепление Империи, Нации, Православия и народных интересов.

Движение — органическое, ибо мы ищем в нашей истории наших корней и ни за какими европейскими шпаргалками не гонимся. Движение — массовое, ибо оно и сейчас обращается не к старым верхам, а к новым массам, и еще потому, что оно обратится со своим словом к полутораста миллионам русского народа. Наш расчет на эти полтораста миллионов. ("Наша Газета" № 37, 1939).

Основные черты нашего Движения: это Движение монархическое, ставящее своей целью: с одной стороны — борьбу с нашей реакцией и осталостью. Окончательный успех этой борьбы зависит от того, сумеем мы выковать собственные силы или не сумеем.

Если мы боремся с нашей русской отсталостью, то

мы автоматически создаем себе врагов с двух сторон. Со стороны представителей этой отсталости и со стороны тех наших врагов, которым эта отсталость чрезвычайно выгодна. **Травля Движения идет с обеих сторон.** Но ошибочно рассматривать эту травлю, как результат слабости Движения.

Совсем наоборот. Это есть симптом **силы и роста.** Сила всякого начинающегося движения заключается не в его союзниках, а только и исключительно в нем одном. ("Наша Газета" № 38, 1939 г.).

Штабс-Капитанское Движение в эмиграции объединяет глубочайший, проникающий в кровь и плоть, чисто русский низовой государственный инстинкт. Этот инстинкт — тысячелетний инстинкт русского мужика, который шел **умирать за Россию, ни на какие награды не расчитывая.**

Это тот инстинкт, который Россию построил. Это **общее** для всех нас. Это то, из-за чего сломить **нас** невозможно.

Когда **мы** — и там оставшиеся, и здесь пребываю-вающие, сломим, наконец, советскую власть, — вот тогда **мы** будем разговаривать. ("Наша Газ." № 40, 1939 г.).

Штабс-Капитаны — это новый эпитет для определения **качественных признаков людей.**

Как не всякий, говорящий "Господи, Господи", войдет в Царствие Небесное, так и не всякий, именующий себя штабс-капитаном — есть "штабс-капитан".

Подлинный **"штабс-капитан"**, как указывает история России, есть только тот, у **которого отношения к самому себе, к семье, к обществу и государству проникнуты чувством долга.**

Без "штабс-капитана" немыслимо было ни существование, ни развитие России; немыслимо без него и ее национальное возрождение. ("Наша Газ." № 43, 1939 г.).

О ТОМ, ЧТО НУЖНО ДЕЛАТЬ ДЛЯ РОССИИ

Этот вопрос перестал быть теоретическим.

Он стал вопросом жизни или смерти для ста пятидесяти миллионов подсоветских людей и вопросом долга и совести для двух миллионов нашего рассеяния. Здесь, в рассеянии, вопросы о жизни и смерти не ставятся.

Здесь нет той иссушающей борьбы за существование и того беспощадного террора, который давит подсоветское население.

Тем острее при нашем, хотя бы и весьма относительном благополучии ставится вопрос о совести и долге, и о том, что делать для России.

Корни нашей пассивности заключаются вовсе не в том, что зарубежье забыло Россию и за обывательскими своими интересами похоронило свою русскую душу. Да, конечно, есть и такой "обывательский элемент", но не в нем дело, и не он решает судьбы России и зарубежья.

Плохо то, что как-то совсем незаметно очутилась в стороне, вне всякого внимания "сильных мира сего" та прозаическая, может быть, и суровая работа, которую может и которую должен, следовательно, вести каждый из нас.

Нам нужно объединение под самыми простыми лозунгами безусловной любви к национальной России и безоговорочной ненависти к большевизму.

Статика прошлого не должна подавлять в нас динамики настоящего.

Национальной России штабс-капитаны нужны, как военно-политические организаторы, а не как законсервированные люди в своеобразной психологии белых военспецов ("Голос России" № 101, 1938 г.).

Русским нужно будет самым спешным порядком отстраивать свою собственную власть и оттачивать свои собственные штыки.

Мы сейчас только объект истории. Субъектом ее мы можем стать только на нашей родной почве.

Но по дороге к ней нам придется пережить очень тяжелые моменты: никаких иллюзий тут строить нельзя. Единственно разумное, что мы можем сделать, единственно трезвое—трезвое до полной беспощадности к самим себе — это, сжавши зубы, готовить себя к будущему. Вооружиться и технически и идейно, но главным образом **идейно.**

Перед нами стоят страшные времена. 7 миллионов*) взрослых русских людей сидят в советских концлагерях. 7 миллионов русских мужчин. Это немногим меньше того, что выставила Россия на фронт Мировой войны.

Никто не в состоянии удержать этих людей от беспощадной мужицкой расправы над советской властью вообще и над той сволочью, которая является ее "конкретными носителями".

Что значат наши программы в сравнении с яростью этих миллионов, хотя бы только этих концлагерных, — когда чей-то иностранный штык или чья-то внутренняя бомба извне или изнутри, ударит по машине большевистского террора.

С возможной ясностью представьте себе, что будут делать эти миллионы, доведенные до предельного отчаяния и до предельной ярости.

Никогда, ни на одну минуту мы не должны упускать одного — нашего глубинного, кровного, расового инстинкта, который создал нашу Империю, нашу Церковь и нашу культуру, который выводил нас, хотя бы и не сразу, из еще более безвыходных дыр нежели та, в которую мы сейчас попали.

Наша задача, задача культурнейшего слоя русского народа — возможно более тесно подойти к психологии нашего народа, исходить не из того, **что он должен был бы сделать по нашему разумению, а из того, что он неизбежно сделает** при данных условиях.

Но также и при условии невероятного обострения

*) Тогда, в 1938 году, их было только семь миллионов... страшно подумать, с какой легкостью теперь мы говорим о 15—20 миллионах заключенных!! (Ред.)

национального инстинкта, закаленного годами еврейско-марксистской власти.

Мы должны итти по путям нашего народа, по путям его ненависти и его любви ("Наша Газ." № 3, 1938 г.)

Для нас не безразлична форма ликвидации большевизма вообще: свержение его путем внешнего удара или путем внутреннего переворота.

Подавляющее большинство русских зарубежных организаций предпочитает внутренний переворот.

Предпочитаю его и я. Однако из этого предпочтения не следует решительно ничего. И мне приходится далеко уже не в первый раз призывать наше зарубежье к сохранению элементарного политического здравого смысла. Для людей, этим здравым смыслом обладающих, вне всякого сомнения находятся следующие постулаты:

1. Мы бессильны или ускорить, или задержать, или вызвать, или предотвратить внутрироссийский переворот. В масштабах внутрироссийской борьбы с обеих сторон принимают участие десятки миллионов людей.

2. Мы совершенно бессильны или вызвать, или предотвратить иностранную интервенцию в русские дела. Авторитет наших организаций ими же самими подорван так катастрофически и так бесповоротно, что с ними никто не разговаривает и разговаривать не будет. ("Наша Газета" № 3, 1938 г.).

Давайте будем смотреть в лицо фактам — совершенно независимо от того, приятны эти факты или неприятны.

Попытки задержать войну, если ее проектирует кто-то так же платонически и так же бессмысленно, как и попытки вызвать войну, если бы ее никто не проектировал. Мы только объекты истории. **Субъектом мы можем стать в результате войны.**

Мы стоим перед великими потрясениями и мы должны подойти к ним со всей выдержкой, на которую мы

еще способны. И в наших диагнозах, и в наших прогнозах мы должны исходить не из писаных теорий или неписаных традиций, а из **реальности мирового и внутрирусского положения.** Эта реальность сводится к тому, что кровавый режим большевизма, вызван глупостью одних и изменой других. Эта реальность заключается в том, что и за измену и за глупость России еще **придется платить.**

Эта ральность сводится к тому, что каждый год бытия советской власти все повышает и повышает цену этой отплаты. Эта реальность сводится к тому, что страшные силы нашего народа, закаленные огнем и кровью двадцатилетней гражданской войны, жаждут своего раскрепощения. **Нужно танцевать от этой реальности,** а не от кабинетно-банкетных выдумок эмигрантских кафе. ("Наша Газета" № 10, 1938 г.).

Средний штабс-капитан эмиграции не виден на политической поверхности зарубежья.

Он давно оставил мудрость своих бездарных вождей, авторитет лампасов, титулов, старых мыслей и слов. Он стал агрономом, инженером, врачом, чиновником, купцом, и даже за рулем такси он и читает, и думает, он он ищет ответа на вопрос: что делать?

У нас — штабс-капитанов, — нет ничего. Ничего, кроме нашей воли, наших мозгов и нашей любви к Родине. Для нас масса — не демос и не плебс. Для нас масса — это наш народ. Мы по старым путям больше не пойдем. Для нас благородство будет в труде, а не в голубой крови. Для нас мужик — не ругательное слово и не существо низшей расы. Это — наш брат. Наш народ. Сейчас это 90% нашего народа.

Для нас Россия — это прежде всего наш дом, в котором мы прежде всего должны позаботиться о мире, о "полной чаше", о социальной справедливости, о благоденствии всех населяющих этот дом миллионов.

О фасаде мы позаботимся позже.

Штабс-капитаны — это та огромная трудовая и культурно-идейная толща, которая скрывается под плесенью осколков былых поражений, говорящих от имени эмиграции.

Эта штабс-капитанская среда — молчаливая, трудовая и идейная Русь, которая не мечтает о старых привилегиях, которая не живет за счет иностранных контрразведок, которая не бегает с доносом, которая работает, страдает и ждет своего часа **служить** своей Родине, а не командовать ею.

И этот штабс-капитан будет расти, совершенно независимо от того, хотят этого или не хотят осколки былых поражений.

Но настоящей силой он станет только в России.

В России он **безусловно станет силой.**

И моя задача заключается в том, чтобы это новое движение расшевелить, поднять и оформить. ("Наша Газета" № 12, 1939 г.).

Штабс-капитанская масса имеет возможность добиться моральной изоляции вольных и невольных агентов и попутчиков большевизма. Это наш моральный долг, и это моральная основа нашей Штабс-капитанской работы здесь. ("Наша Газета" № 14, 1939 г.).

Важная же конкретная задача стоит перед нами здесь. Вот она:

Послесоветская Россия вынырнет из большевистского пожарища в виде массы, очень сплоченной в одном отношении и совершенно аморфной в другом. Эта масса будет сплочена общностью переживаний и общностью настроений.

Это будет сто семьдесят миллионов людей, находящихся на таком умственном уровне, **на каком никогда и нигде не находился еще ни один народ.** Это будет масса, закаленная, как рессорная сталь, — не как хрупкая сталь инструментов. Она вырабатывает в себе неве-

роятное упорство или точнее, то качество, которое по отношению к стали определяется термином — "вязкость". Эта масса привыкла к невероятной затрате энергии, ибо каждый шаг советской жизни требует проявления этой энергии — иначе люди гибнут.

Но эта масса не имеет и не может иметь никакой, я бы сказал, рабочей идеи — как в науке бывают рабочие гипотезы.

Общие идеи у нее будут. И эти общие идеи почти целиком совпадают с нашими. Именно потому штабс-капитан окажется своим человеком. Это я гарантирую категорически.

В числе общих идей будут, как нечто безусловное, следующие:

национальное единство России, социальная справедливость: мужику — землю, рабочему — профессию, никаких сословий или каст.

Самой основной целью всего строительства явится хозяйственное строительство. ("Наша Газета" № 14, 1939 г.).

Подготовка эмиграции к будущему служению России **не заменяет и не отменяет** необходимости и сейчас, в данный момент, всеми имеющимися в нашем распоряжении способами, — вести борьбу против большевизма.

Подготовительная работа зарубежья может быть разбита на две части:

1. Одна часть — это наша общая идейная установка. **Ее** нужно оформить и закрепить. В ней не должно быть места никаким двусмысленностям, никакому непредрешенчеству. Нужно итти или за монархию, или **против** монархии — третьего не дано, и всякие оговорки только путают карты.

И об этом мы должны сказать русскому мужику и рабочему прямо и ясно.

Нам нужна полная справедливость в земельном, рабочем и национальном вопросе.

2. Другая часть — черновая подготовительная работа.

Ни первой, ни второй части в России сделать некому. Как, например, распорядиться с совхозами, с колхозами, с крупной и мелкой промышленностью, с самоуправлением.

Таких вопросов в России обсуждать нельзя. Это можем делать только мы, больше некому.

Если мы сумеем оформить и нашу регулативную идею, и ряд наших технических программ, мы автоматически явимся решающей силой стройки будущей России. Нет никаких принципиальных препятствий. Есть только вопрос о том — сумеем ли и успеем ли? ("Наша Газета" № 15, 1939 г.).

Прежде идея монархии защищалась казенными словами и казенным усердием.

Бердичевский фармацевт оказался вооруженным самым современным орудием политической аргументации, а в нашем распоряжении не оказалось почти никаких аргументов.

Бердичевский фармацевт мог разъезжать в первом классе международного вагона, а **"нижний чин"**, защитник Родины и все такое, не имел права ездить в трамвае.

Идейная борьба за Веру, Царя и Отечество в душе этого нижнего чина велась с одной стороны фармацевтом и с другой стороны штабс-капитаном.

Силы были не равны. Идейная борьба **за Веру, Царя и Отечество** отступила в казармы, в полицейские участки, казенные проповеди церковного ведомства.

Идейная борьба **против Веры, против Царя и против Отечества захватила и кафедры, и газеты, и университеты**, и сельских учителей, и семинаристов из духовного звания, и артистов из Художественного театра. Честно отсиживались: **мужик и штабс-капитан. И тот и другой оказались невооруженными.**

Этого больше не будет.

Наша задача заключается в частности в том, чтобы для нашей нынешней и грядущей борьбы за Веру, Царя и Отечество мы были бы вооружены самым современным

оружием: и идейным, и огнестрельным, и организационным, и агитационным, и каким хотите еще.

Всякий человек, который станет утверждать, что во всех этих отношениях мы были вооружены — **лжет.** Он говорит, может быть, лестную, но заведомую ложь.

Он мешает нашему перевооружению.

Он, следовательно, готовит нам **очередное поражение.** ("Наша Газета" № 18, 1939 г.).

И есть у нас еще одно: нелюбовь к малым делам. Большинство из нас все ищет "дел исполинских", щучьих слов, героических подвигов или героических поз. Но пушкинский "труд упорный" все еще "тошен". А дело идет именно о труде, черновом, настойчивом, незаметном труде, для будущего нашей Родины.

Нам, господа штабс-капитаны, придется выбираться из очень глубокой дыры и делать очень трудное дело. Но если мы начнем делать, пусть даже и не "самоотверженно", а просто добросовестно и серьезно, **у нас появятся возможности,** о каких мы сейчас и не мечтаем. **С нами будут считаться** те силы, которые нынче с эмиграцией не считаются никак. У нас будут те пути, которые 20 лет для русского зарубежья были закрыты наглухо.

И самим себе, и иностранцам и подъяремной России мы должны показать и доказать, что мы являемся огромной культурной и творческой силой, а не человеческой пылью, оторвавшейся от обломков былых крушений ("Наша Газета" № 18, 1939 г.).

Нам нужно будет очень много и воды, и мыла, и щеток, и скребниц, чтобы отмыть довоенную Россию от всей той грязи, которою обмазали ее наш гнилой либерализм и его законнейший и неизбежный наследник — советский режим. ("Наша Газета" № 34, 1939 г.).

Было бы полной нелепостью пытаться оформлять идеи, неприменяемые для ста пятидесяти миллионов ныне подсоветских людей. Следовательно, **нужно знать,** хотя бы приблизительно, хотя бы не точно, как именно думают эти 150 миллионов русских людей.

Нам придется считаться с этими мнениями, и в какой-то степени **подчиниться** им — иначе мы будем сброшены и отброшены.

Наша идея и ее формулировки будут определять будущее России только в том случае, если эта идея будет выражать **настроение и интересы** полутораста миллионов, и если она будет выражена понятным для этих миллионов языком.

Мы должны заниматься только тем, что мы можем сделать реально. Реально мы можем сейчас **"организовать кадр творческих сил"** ("Наша Газета" № 37, 1935 г.).

Господа штабс-капитаны, имейте в виду. Из всех подсоветских свидетелей — я занимаю самую правую, самую, так сказать, **национальную позицию.**

Я — единственный подсоветский свидетель, проповедующий монархизм от имени подсоветского мужика.

Я — один из очень немногих людей эмиграции, которые от монархии не имели ровно ничего... кроме строительства Российской Империи.

Я — единственный из подсоветских свидетелей, пытающихся организовать какой-то, пока хотя бы только психологический, мост между теми, **кто** сидит в колхозах и концлагерях советского ада, и теми, **кто** сидит за рулем такси или в лабораториях зарубежного рассеяния. И вот, я говорю вам, я имею и объективную возможность и субъективную смелость **это** доказать:

думать о том, что вы сможете вернуться в Россию — новую Россию — имея во главе пузырь из потонувшего мира — **есть или иллюзия, или безумие.**

В России будет слишком много проблем, слишком

много жертв и усилий, слишком много наболевших мест, чтобы к этим наболевшим местам мы имели бы право итти с векселями потонувшего мира.

Все, что пахнет реакцией, штабс-капитанам нужно **отбрасывать** сразу — отбрасывать так, чтобы навсегда отшибить охоту примазываться к нашему Движению. Это — не нервы. Это — трезвый политический расчет. Это — **вопрос отбора.** Двери зарождающегося движения нужно захлопнуть перед самым носом всяческой реакции, чтобы и лезть в них неповадно было.

Новая Россия уже начала расти и до войны. Революция прервала или исковеркала ее естественный рост. Наше Движение должно прощупать все исторические корни нашей силы, подхватить тогда еще слабые ростки довоенной национально-передовой мысли, учесть обнажающий всяческую ложь опыт большевистской революции, обобщить весь тот, закрытый для подсоветских масс, опыт, который проделал мир за эти бурные 20 лет.

Мы должны дать некий **синтез национальности с современностью:** для подсоветской массы закрыты и наша национальность, и зарубежная современность. В нашей истории мы должны отыскать и источники нашей **силы,** и источники **нашей слабости.**

С величайшим уважением поднять **Суворовскую** традицию и с максимальной оскорбительностью **отбросить** Сухомлиновскую.

Мы должны быть беспощадными, иначе нас снова будут бить.

Нашу линию разные обстоятельства могут затруднять, но не могут изменить, — нашу идею **новой национальной, монархической, народной России.**

Наша работа — работа по отливке этой идеи в законченной форме и по подбору тех кадров, которые будут проводить ее в будущей России.

Это не означает отказа от нынешней антибольшевистской борьбы в той степени, в какой эта борьба возможна. Но это означает перенос всей тяжести нашей

работы, а также и тяжести нашей жизни в чисто идейную плоскость.

Пулемет — это очень хорошая вещь, но никакой идеи он родить не может. Однако, всякая жизнеспособная идея рано или поздно обрастает пулеметами. Возрождение Национальной России есть неизбежность, диктуемая всем ходом истории ("Наша Газ." № 46, 1935 г.).

Наше штабс-капитанское Движение мы и дальше будем вести, как **Движение,** стремящееся к созданию идеи и к о с т я к а будущего служилого слоя Императорской России.

Будем делать свое дело и постараемся вложить в это дело все наши силы и все наши мозги.

Всякий слой, который в какой-то степени хочет быть правящим, должен прежде всего сознавать свою ответственность перед Родиной и прежде всего свою собственную ответственность.

Будем упорны. Если ход истории подарит нас приятными неожиданностями — то слава Богу. Если на нашем пути он накидает всяческого бурелома — займемся расчисткой. И сквозь **все,** что нам еще предстоит пережить, будем иметь в виду нашу путеводную звезду — воссоздание Императорской России, великой и свободной, но не лубочной и лубяной. **А стальной и бетонной.** ("Наша Газета" № 51, 1939 г.).

Мы должны отдать себе холодный и ясный отчет в том, что: нам нужно работать, нам нужно **очень много работать** и помогать тем, кто хоть ч т о - т о , все-таки, делает. ("Наша Страна № 70).

Наши цели имеют в виду **три этапа:**

1. Ликвидацию большевизма.
2. Борьбу против расчленения России.
3. Восстановление Монархии Российской:

а) борьба с реакцией и
б) Оформление и закрепление идейной установки. ("Наша Страна" № 105, 1952 г.).

Наша непримиримость к большевикам должна быть и последовательной и беспощадной.

Враг должен быть добит окончательно. Нельзя допускать никакой провокации. ("Наша Газ." № 14, 1938).

Всякое объединение, если оно построено **разумно,** должно ясно установить: к чему же именно стремится всякий из объединяющихся и **что именно** он может дать. Если этого нет, то от "единения" останется только пустозвонная фраза. А в среднем, получится провал.

Одно из самых основных положений Народно-Монархического Движения сводится к 2-м частям:

1. Восстановление Русской Монархии на социально-административной базе старого правящего слоя — **невозможно физически.** Не "нежелательно", а просто невозможно: бывший русский правящий слой политически совершенно разложился и **до** революции и именно это разложение сделало революцию возможной.

2. В современной России за эти 35 лет вырос **новый** ведущий, еще не правящий, слой, который ни при каких мыслимых обстоятельствах старого слоя **не** пустит.

Таким образом, если бы мы объединились с реакционными элементами монархической эмиграции, — мы **автоматически** потеряли бы почву **для России.**

Термин **"Народная Монархия"** практически означает восстановление Монархии **без** восстановления старого правящего слоя, **как слоя.**

Руская монархическая эмиграция — есть слой людей **очень нужный России.**

Мы, Народно-Монархическое Движение, выступаем совершенно **открыто** и при Гитлере, и при Рузвельте, и

при Трумане: да, **мы — монархисты.** Да мы убеждены в том, что **без** восстановления Монархии Россию ждет катастрофа.

Ряд наших катастроф, начиная от неудачи Японской войны и кончая неудачами Белых Армий, объясняется только одним: полной неспособностью старого правящего слоя. Потерей **государственного чутья** и потерей **чувства меры.**

Катастрофа пришла к нам **справа,** а не **слева.** ("Наша Страна" №131, 132 — 1952 г.).

Стоя на пороге **нового** периода, очень полезно учесть результаты пройденного, чтобы возможные ошибки прошлого не были бы повторены в будущем.

Настящие демократы в американском понимании этого слова, — **только мы — народные монархисты.**

У левых шансов среди "массы "нет никаких, п о э т о м у они судорожно бегают по передним всяких заговоров.

Против заговоров и за "волю народа" — **только мы,** ибо мы верим и в **волю народа** и в **мудрость** этой воли.

Монархия есть — **народное достояние,** выработанное и выкованное **народом** и **для народа** в течение веков и веков.

Актуален факт, что **идея народной монархии** выкристаллизировалась в эмиграции, как нечто конкретное и ясное, что п р а в ы й у т о п и з м погребен окончательно, — а л е в ы й п о х о р о н и л сам себя, что **мы** являемся тем единственным **центром,** на который могут опереться русские массы.

Мы подходим к очень трагическому моменту нашей истории. И от тех из нас, кто хоть что-то делает — требуется предельная ясность мысли. И, возможно меньше проявления ура-энтузиазма. Мы, может быть, стоим перед самым решающим прицелом всей нашей истории. ("Наша Страна" №77).

На левой стороне эмиграции есть культура, которая России **не нужна,** а на правой стороне нет культуры, которая России **нужна.** И эта **нужная культура** появится не скоро. Но она, все-таки, появится. А пока что — придется перебиваться кое-как...

Если говорить о до-революционных временах, то антирелигиозной литературы было сколько угодно.

Религиозной литературы было **мало** и она была расчитана на культурный уровень деревенского старосты.

О марксзиме были изданы тысячи книг, а о монархизме, кажется, о д н а — Льва Тихомирова. То же повторяется и в эмиграции. ("Наша Страна" № 140 — 1952 г.).

Только мы, монархисты, — **народные монархисты,** можем выступить перед массами России **с ничем** незапятнанным знаменем нашей тысячелетней истории: А. Керенскому будет выступать **не с чем.** ("Наша Страна" № 118 — 1952 г.).

Русская Монархия есть м о р а л ь н о и т е х н и ч е с к и наиболее совершенный в истории мира способ управления государством. В данный исторический момент мы, повидимому, переживаем одну из самых решающих эпох человеческой истории — эпоху полного банкротства демократий, как г о с у д а р с т в е н н о й системы: с государственными задачами, а тем более мировыми, эта система т е х н и ч е с к и справиться не может. ("Наша Страна" №№ 143, 147 и 148 — 1952 г.).

Нам нужно **"колыхать"** монархическую активность наших единомышленников ("Наша Страна" № 150 — 1952 г.).

В основе **Народно-Монархического Движения** лежит живой, конкретный и фактический опыт Московской Руси, т.е. — **"Национальная Россия"** такая, какою она была в **реальности прошлого,** а не в словоблудии о будущем.

Московский тяглый мужик **1613** года оказался неизмеримо **умнее** петербургских профессоров **1917** года, — это сейчас **очевидно...** и это — не правее и не левее —это просто — **глубже.** ("Наша Страна" № 40—1951 г.).

"Наша Страна" — есть орган монархического мышления, пытающийся создать массовое монархическое **движение,** чтобы идеология, аргументация и даже фразеология Движения были бы приноровлены к русским **существующим** в реальности массам. ("Наша Страна" № 32—1951 г.).

О МОНАРХИЧЕСКОЙ АГИТАЦИИ

Нам нужно вести монархическую агитацию.

Нам нужно знать и **то, как ее следует вести,** и то, как ее вести не следует.

Мы анализируем прошлое России и мы говорим: были такие-то явления, происходившие в таких-то условиях и при наличии этих явлений Россия — под эгидой монархии, — достигла таких-то результатов. И при ослаблении или гибели монархии, — попадала в такие-то и такие-то катастрофы.

Мы подводим некий принципиальный фундамент под неоспоримые факты нашего прошлого.

Мы не строим никаких воздушных замков.

Мы представительствуем собою политический **реализм** и **мы** боремся против всякого политического утопизма.

Прежде всего, мы что-то строим: строим основное — **идею Русской Народной Монархии.** Строят ее очень разные люди: и белорусский крестьянин Иван Солоне-

вич, и сибирский "землепроходец" Борис Башилов, и профессор Борис Ширяев.

Как и всегда в этом мире случается, — некоторые точки зрения не совпадают — мы о них слегка спорим. Но основное совпадет вполне: **Народная Монархия.**

Мы рассеиваем мифы, опутывающие сознание монархической эмиграции, и мы из-под обломков старины пытаемся воссоздать тот момент, когда Монархия Российская была ближе всего к ее **идеалу.**

Наша задача — задача чисто **агитационная.**

Или, быть может, — **миссионерская.**

До России и **в** России мы должны **проповедывать** монархию. Нам навстречу подымется великая волна народного инстинкта, народной боли, народных страданий. Подымется и волна народной надежды на лучшее будущее.

Эта волна — она **будет,** — в этом не может быть **никаких** сомнений. Но могут быть сомнения, — окажемся ли мы на высоте?...

Нам, **монархистам,** остается только один **путь,** путь "демократического" завоевания русских масс,—масс, которые к этому "завоеванию" подготовлены и тысячелетней традицией России, и своим национальным инстинктом, и переживаниями послефевральского периода.

Этот путь **не исключает** наших стремлений к тому, чтобы будущая русская Национальная армия не попала бы в руки заговорщиков и утопистов, авантюристов и хамелеонов, чтобы в ней было создано, по крайней мере, **монархическое ядро.**

Для того, чтобы **завоевать** общественное мнение России и для того, чтобы **создавать** монархическое ядро в Русской Национальной Армии — мы все, **настоящие монархисты,** — монархисты **для России,** а не для **карьеры —** должны **честно** проанализировать все русское прошлое — без всякой оглядки на то, что скажут эмигрантские "княгини Марьи Алексеевны".

Монархическая **литература** должна иметь в виду не служилые и привилегированные слои старой России, а

конкретный русский **народ,** который жил на Руси Алексея Михайловича, в России Императора Петра Алексеевича и в СССР Сталина.

В России **нет и не будет** того социального слоя, который так характерен для монархической эмиграции.

Делайте для Монархии **все,** что вы только можете сделать: это — **единственная** гарантия против абрамовичей и социалистического рая № 2 ("Наша Страна" №№ 75 и 76 — 1951 г.).

"Наша Страна" не является ни пулеметными курсами, ни унтер-офицерской школой: она имеет в виду идейное вооружение русской **монархической элиты,** самым мощным оружием, какое этой элите предоставила вся русская история. Это оружие **нужно изучить.** Нужно научиться им пользоваться.

Это возможно только и исключительно путем "дискуссии", "полемики" и прочих таких вещей.

Нужно уметь обороняться и нужно **уметь нападать.**

И обороняясь и нападая, нужно, по мере возможности, ясно знать — **чем** идея Русской Народной Монархии отличается и от идеи русской сословной монархии и от социалистов и от солидаризма.

Какие доводы имеются в распоряжении противника. Какие доводы являются фальшивкой и какие неоспоримы.

И как следует справиться с теми и с другими.

"Народная Монархия" — предназначается для того же, для чего в свое время предназначался "Капитал" Карла Маркса.

"Народная Монархия" — схема.

Ее нужно разрабатывать дальше. Ее нужно пропагандировать.

Слово стало **нашим оружием.**

Научитесь им пользоваться. Это зависит от **нас.** Это зависит от вас.

О ФАКТОРЕ СИЛЫ

" Д у х " народа.— Реальная жизнь страны определяется соотношением с и л — в нашем русском историческом случае — **моральных сил.** Все это ничего общего с реакцией не имеет.

На стороне сепаратизма **никакой** реальной силы **нет.**

Российская Империя выросла, главным образом на базе стремления к объединению **всех** народов этой Империи.

И мы, **честные** русские политики, морально обязаны предупредить САСШ — если дело дойдет до н а с и л и я — то **с и л а** будет на стороне Риссии и **такая сила существует.**

Эта сила ("дух" народа) прошла века и века **беспримерных** в человеческой истории жертв во имя **общего блага всех народов** Российской Империи.

Из двухсот миллионов населения России по меньшей мере 190 миллионов за **единство страны** будут драться, т. е. **применять силу.**

О "величии" и единстве России должны позаботиться прежде всего **мы,** — от Абрамовича до Чухнова.

И основным пунктом **любого** соглашения должно быть официальное признание Государственной суверенности России в пределах 1940 года, — оставляя все остальные территориальные вопросы компетенции б у д у щ е г о.

Как это ни парадоксально, — **ключевую** позицию сейчас занимаем **мы** и мы **обязаны** сказать Америке честно: мы защищаем не только государственное единство России, которое **ничто** в нынешнем мире поколебать не может, — мы также защищаем государственное **существование и САСШ.**

Исторический опыт доказал, что Россия — это не Империя в римском или британском смысле этого слова. **Это** — 196 сиамских близнецов, которые срослись в политическом, **экономическом, бытовом, культурном** и всяком ином смысле этого слова.

"Силой" в будущей России будет ее сегодняшняя

внутренняя эмиграция, а никак не те остатки потонувшего мира, которые называют себя "монархистами в эмиграции".

Для меня **внутренняя эмиграция** означает значительно больше: это не только скрытый внутренний протест, — **это** также и **накопление сил для борьбы.**

Внутренняя эмиграция состоит из **очень сильных людей.**

В какой степени "сильные люди" противоречат "сильной монархии"? — Ни в какой степени. Государь Император Николай Александрович был очень **сильным** человеком ("Железная рука в бархатной перчатке"), но очень **сильным** человеком был и П. А. Столыпин. ("Наша Страна" №№ 94, 98, 114 и 138).

О СЕГОДНЯШНЕЙ РОССИИ

Сегодняшняя **Россия** — это очень молодая страна, ее люди упорны, закалены, обуяны ненасытной жаждой знания.

Культурный **отбор этих** людей и будет **правящим слоем России,** — независимо от того, будет ли у нас Монархия, или республика, или судьба тяпнет нас какой то новой диктатурой.

Нравится ли нам это или не нравится — это есть **новое поколение.** И не только хронологически, но и **социально.**

Новое поколение России — закаленное, упорное, жизнеспособное, **молодое,** ни при каких обстоятельствах не позволит "пузырям потонувшего мира" командовать собою.

Оно позволит себя **убеждать,** но, как раз, этого "пузыри" делать н е у м е ю т .

Нынешнее — советское — поколение вышло из **иной** социальной среды, со всеми политическими, психологическими и прочими предпосылками и последствиями.

С **этим поколением** эмиграция обязана считаться, как с **решающим** фактором в жизни России.

Новая Россия будет **новой** Россией, **с новой** промышленностью, **новым** крестьянством, **новым** пролетариатом, **новым** правящим слоем и с **новыми** методами управления.

Россия будет страной **чудовищной силы** и **великой,** еще невиданной в истории мира, человечности.

"СССР", — конечно, — Россия, пленная, но **Россия.** И "советский народ" есть, конечно, русский народ, хотя и тоже пленный. И даже советская литература есть русская литература, хотя, может быть, ее плен наиболее тяжек. ("Наша Страна" №№ 125, 126, 127 и 129 — 1951 г.).

О НАЦИОНАЛЬНОЙ АРМИИ

Национальная Русская Армия **будет все равно.**

Ее основной кадр — **Власовское Движение.**

Национальная Русская Армия должна иметь и Национальную Русскую военную **доктрину.**

А Национальная военная доктрина должна исходить из национального мировоззрения, наиболее полно воплощенного в **православии.**

Понимая под православием, конечно, не иерархов московских или антиохийских, а **религиозное мировоззрение Русского Народа.**

Решающую роль в будущей нашей армии будет играть **новая** военная эмиграция, а не старая.

Старая Императорская Армия восстановлена быть **не** может.

Но может быть создана **новая Императорская Армия.**

Я настаиваю и настаивал и буду настаивать на том, что **каждый** русский генерал **обязан** быть **политически** грамотным и образованным.

Перед Третьей Мировой и неизбежной гражданской войной — политику обязан знать и командир роты.

Чем выше стоит человек по своей службе и по своей **ответственности** и по своему будущему — тем более он обязан быть **политически образованным человеком.** ("Н. С." №№ 32, 82, 87, 100 — 1950 - 1951 г.).

На Национальную Армию падает огромная ответственность.

Она будет **первой силой,** которая соприкоснется с Россией.

Ей придется п е р в о й отвечать на вопросы: "Что, как, почему и **что же дальше?"**

Ей первой нужно будет показать **всю разницу** между советским режимом **бесправия** и **новым** режимом **права.** ("Наша Страна" № 84 — 1951 г.).

Это будет совершенно р е а л ь н а я армия, которая будет расти с каждым шагом продвижения "назад" — в Р о с с и ю. ("Наша Страна" № 83—1951 г.).

О НАРОДНО-МОНАРХИЧЕСКОМ ДВИЖЕНИИ

Проблема Народно-Монархического Движения и его кадров сводится к тому, чтобы подобрать людей, которые на первый план ставили бы не поместья, не нашивки, не чины и не гонорары, — а ставили бы интересы нации в целом, и которые умели бы увидеть за спиной роты, лаборатории, завода, "солдатской массы", "рабочей массы", "крестьянской массы", "учащейся молодежи" — хотя бы основные линии национального развития, хотя бы основные линии национальной организации.

Вопрос кадров Движения — это вопрос подбора из любых спецов и любых профессионалов тех людей, которые могли бы стать над узостью всякой профессии и почувствовать себя зародышем правящего слоя, объ-

единяющего, хотя бы в сознании своем, все интересы нации, взятые в целом, — а не в дроблении на касты, профессии и нашивки и гонорары, людей, которые перестали бы спекулировать перенесенными страданиями.

Страданиями и жертвами сейчас никого не удивишь, — та треть офицерства, которая попала в Красную армию, пострадала еще больше нашего — она вообще погибла. Страдание, взятое само по себе, ничего не доказывает, ничего не освящает и никого ни в чем не убеждает. Зубная боль — очень неприятная вещь. Но ... раньше надо было чистить зубы, а теперь итти к дантисту — только и всего.

Значит, вопрос идет о людях, которые нашли в себе духовную силу учесть уроки прошлого, сделать из них выводы для будущего и подняться над собственными вожделениями. Итти в Россию не в качестве победителей и командиров, а в качестве советников и руководителей, — на "командирах" мы, вот, и доехали сюда.

Знаю: это цена с очень большим запросом. И — тоже знаю — не так много людей, у которых хватило бы духовного капитала на такую цену. И не будем утешаться даже той банальной мыслью, что качество-де важнее количества. В данном случае — чрезвычайно важно и количество. И именно потому, что такого количественного истребления самого высокого качества людей, какую продемонстрировал перед изумленным человечеством большевизм, — никогда еще в истории мира не было. Важно и количество. **Важен каждый русский человек.**

Я ни к какой романтике не призываю. Наше дело это:

выковать нашу идею,
сколачивать наши кадры,
ждать первого подходящего момента,
всячески охранять свою спину, чтобы наши ничтожества и предатели — вот в этот самый момент не всадили бы в нее ножа.

Наша идея — очень проста:

НАЦИОНАЛЬНАЯ ПРАВОСЛАВНАЯ НАРОДНАЯ МОНАРХИЯ.

Наши кадры раскиданы по всему миру, находятся в самых разнообразных условиях и подвержены самым разнообразным административным воздействиям.

Моменты — еще будут.

Нож в спину — это самая близкая опасность, которая стоит на нашем пути.

Наша повседневная борьба — это прежде всего борьба с нашими собственными ничтожествами и предателями — именно от них и "все качества". ("Родина" № 1 — 1940 г.).

О ПОЛИТИКЕ И ЦЕРКВИ

Жизнь вне политики достижима так же просто, как и жизнь вне воздуха.

Если вы будете политически активны, то политика будет такою, какая нужна **вам.**

Церковное деление совершенно точно воспроизводит **политическое деление.**

Наша церковная смута вызвана вовсе не злонамерными соображениями тех или иных митрополитов или епископов, — эта смута с изумительной степенью точности отражает в себе нашу всероссийскую **политическую смуту.**

Религиозного раскола у нас **нет** — во время Никона он **был.**

Есть политический раскол. Несомненный факт, что в наше время, когда над миром свирепствуют материальные не столько интересы, сколько вожделения, —не политика следует за Церковью, а Церковь следует за политикой.

Заграничная Синодальная Церковь, возглавляемая Митрополитом Анастасием, **является законной церковной властью** для всего Зарубежья. Остальные — есть

р а с к о л ь н и к и в административном смысле этого слова.

И только наша Синодальная Юрисдикция — **единственная** из всех, и,вероятно, самая слабая, **последовательно стоит на антисоветской,** т. е., на **антибезбожной позиции.** Все остальные, по меньшей мере, — виляют.

Мы должны признать **факт,** что единственной организующей и организованной силой нашего Зарубежья является **Церковь,** — точно так же, как это было в Смутное Время № 1.

Совершенно несомненный ф а к т , что подавляющее большинство и старой и новой эмиграции группируется вокруг Митрополита Анастасия, т. е. вокруг **монархической традиции Русской Церкви.**

Политический раскол Церкви решит **тот час,** когда Патриарх Всей Руси возложит корону на Главу Императора Всероссийского.

И **только тогда** мы придем и к церковному и гражданскому **миру.**

Люди, которые пытаются оттягивать **этот час,** сделали бы разумнее, если бы **поняли его неизбежность** и не ставили бы себя в положение тех блудных сынов, для которых, может быть, не найдется и соответствующего тельца. ("Наша Страна" №№ 99 и 25).

О КАЗАЧЕСТВЕ

Существование Русского **Самодержавия** — есть совершенно обязательная предпосылка существования и русского казачества.

Изоляция же казачества от "обще-русских партий и течений" может иметь только одно значение: **изоляцию казачества** от какой бы то ни было политической роли — вне "обще-руских течений" — казачество обречено на полное политическое **бессилие.** ("Наша Страна" № 21 — 1949 г.).

О КРЕСТЬЯНСТВЕ

Коллективизация деревни **логически** исходила из самых основных предпосылок марксизма и практически из самых основных требований преторианцев осени 1917 года.

Социализму, вообще, а его марксистской верхушке, в особенности, свойственна **лютая ненависть** к крестьянству, т. к. именно оно, **крестьянство — класс собственник** и оно, крестьянство — является **хранителем национальных** и **религиозных** инстинктов страны.

Крестьянство — органично и оно автоматически противопоставлено теориям кабинетных мозгляков.

Российская Монархия или будет восстановлена голосами Русского Крестьянства, или **не** будет восстановлена в о в с е .

Всякая новая партия, захватившая власть в России, выродится в партийную диктатуру.

Сначала будут миллионы красивых слов, потом — миллионы в концлагерях.

Только Царь — слуга Бога и Народа — даст мир и **свободу Народам России.** ("Наша Страна" №№ 32 и 72).

НАША ПРОГРАММА

Мотивировка и проект.

Предлагаемый проект программы есть мотивированный проект.

Каждый его пункт поддерживается не обещаниями прекрасного будущего, а ссылками на неоспоримо реальное прошлое.

В нем нет ни одного пункта, который отдавал бы дань моде сегодняшнего дня.

Это, просто, дальнейшее **логическое** продолжение всего нашего предшествующего роста.

И **предложение** — расти и дальше — **не вкривь** и **вкось,** а очень просто: **просто вверх.**

Основные начала, на которых должна **быть отстроена будущая Российская государственность** (Технические детали не могут быть предусмотрены заранее):

1. Религия
2. Семья
3. Собственность
4. Гражданская, политическая и хозяйственная свободы.

Мы **обязаны** предрешить **то,** что мы, монархисты предложим русскому народу на всенародном голосовании.

Мы, монархисты, исходим из того убеждения, что все эти **основные начала** могут быть обеспечены **только монархией** и только ею **одной.**

Монархия не имеет ничего общего с реакцией. Вопреки демагогическим утверждениям представителей левой общественности.

Мотивировка — наглядный опыт всех стран Европы **доказывает** бесспорно, что республиканский образ правления не способен обеспечить стране ни нормального образа жизни, ни нормальной эволюции (Польша, Чехия, Россия, Венгрия, Германия, Югославия) и приводит к установлению тоталитарных диктатур.

Тысячелетняя история Российской государственности с такой же экспериментальной бесспорностью доказывает неразрывную связь благополучия народных масс с существованием полноценной Монархии: периоды гибели или даже ослабления Монархии автоматически приводили или к анархии (Смутное Время) или к закрепощению народных масс монголами, дворянством или компартией. И только Монархии удавалось восстанавливать свободу страны и свободу ее народов.

1. В русских условиях — Монархия означает защиту демократии и от анархии и от вождей, от загнивания (Франция) и от тоталитарного режима (СССР и Германия).

2. Стоя на почве бесспорных и исторических фактов,мы, монархисты, отбрасываем **категорически** все левые демагогические обещания, которые никогда не

будут выполнены, ибо не могут быть выполнены и никогда и нигде выполнены не были.

И ввиду этого **ведем борьбу** со всеми разновидностями коммунизма и социализма, под какими бы названиями они ни выступали.

3. Рассматриваем монархическую власть в России, как **власть, основанную** на религиозно-нравственных началах, **стоящую** над партиями, классами и народами страны, **бесспорную** по праву наследования и **бесспорно выраженную** тысячелетнюю волю **народа,** восстанавливавшего эту власть после каждого ее падения.

4. Народно-Монархическое Движение является строго легитимной организацией и безоговорочно признает Великого Князя Владимира Кирилловича **законным** правопреемником Российского Престола.

5. **Религия.**

Народно-Монархическое Движение признает религию источником всякого человеческого общежития. **Православие** — религия русского народа, но НМД признает полную религиозную свободу, исключая изуверные секты.

Признавая Православие религией русского народа НМД возражает против отделения Церкви от Государства и считает нормальным традиционную форму **сотрудничества** Церкви и Государства, выраженную в Соборах, Патриархате и Монархии — причем, Монархия всецело подчинена Церкви, как Божественному Установлению, и Церковь, как общественно-национальная организация, находится под покровительством Монархии.

6. Народное представительство является непременным условием нормально фунционирующей Монархии.

Лично я буду настаивать на **ответственности** правительства **только** перед **монархом** и на законодательных и контрольных функциях народного представительства.

Такие партии, как коммунистическая, должны быть

запрещены **законом.** И караться не санитарными ссылками, а виселицей.

7. Самоуправление.

а.— НМД **считает** необходимым возврат к принципу Московских Царей, когда центральная власть и местные самоуправления работали в тесном содружестве и при полной взаимной поддержке.

б.— За исключением петербургского периода нашей истории, Русская Монархия всегда базировалась на самом широком местном — территориальным и национальном — самоуправлении и это самоуправление пыталось восстановить в конце прошлого века.

8. Империя.

Создание Российской Империи являлось великим благом для всех народов и народностей, прекратив удельные и племенные войны и установив прочный государственный порядок на территории 1/6 части земной суши.

Считая русский язык **общегосударственным,** попытки административной руссификации национальных меньшинств НМД отрицает категорически.

В области внешней политики Российская Империя, как и раньше будет поддерживать всякое начинание к сверхнациональной организации человечества.

9. Хозяйство.

Свобода хозяйственной деятельности, помимо неприкосновенности личности, свободы религии, свободы слова, собраний, союзов и проч.

Переход в руки государства отдельных отраслей народного хозяйства, поскольку он вызывается хозяйственными, техническими или санитарными, а не догматическими требованиями, НМД **не считает социализмом.**

Борьба против всех разновидностей **социализма.**

Будущее хозяйство России представляется, как сотрудничество: государственного, земского, городского, кооперативного и частного хозяйства.

Основная масса частной собственности России — **крестьянская** и **казачья** собственность — будет восста-

новлена автоматически — если к власти не придут новые социалисты.

Передача русской **промышленности** в частные руки с сохранением гарантий общегосударственных интересов.

Существование Монархии будет **гарантией** против захвата власти каким бы то ни было капиталом.

Монополия внешней торговли — как временная мера, но не как постоянная система.

Будущая Российская Государственность, как **Монархия,** работающая в тесном содружестве с Церковью, Народным представительством, местными самоуправлениями и частной инициативой.

Империя равноправно объединяющая все входящие в ее состав **национальности.**

Хозяйственный строй, основанный на частной собственности и частной инициативе.

Общественный строй, основанный на равноправии всех граждан Империи, без различия религии, расы и т. п.

Социальный строй — гарантия гражданских и политических свобод от посягательств соц. бюрократии и капиталистической эксплоатации.

Как сочлен ООН, — более, чем кто-либо иной заинтересованная в сохранении мира и порядка на земле.

10. **Социальное законодательство.**

Факт, что Россия 1913 года по своему рабочему законодательству стояла впереди всех стран мира, за исключением Германии того времени.

Только при **монархической власти** может быть решена **проблема** труда и капитала, охрана труда и трудящихся, защита материнства, младенчества и старости.

Все споры между работодателями и наемным трудом должны разрешаться соответствующими судебными установлениями и в самых важных случая — представляться на усмотрение власти Монарха.

Необходимо при этом соблюдать принцип:

"Хозяйство должно служить человеку, а не человек хозяйству".

Переходый период:

Разгром большевизма — война.

Насущная задача — пропаганда создания заграницей Русской Освободительной Армии и Русского Правительства.

Иначе возможны: а) анархия,
б) диктатура и
в) оккупация или —
действие всех этих трех...

Идеальный выход — создание заграницей Императорской Армии и Императорского Правительства, возглавляемого — в качестве Местоблюстителя Императорского Престола Великим Князем Владимиром Кирилловичем и проведение всенародного голосования под обязательным контролем или оккупационных властей или уполномоченные ООН.

В конкретных русских условиях на решение этого плебисцита могут быть поставлены только **2 вопроса:**

или — **монархия** и частная собственность,
или — **республика** и социализм.

Но восстановление **монархии** недопустимо **помимо воли** народного большинства.

Полная амнистия за все преступления советского режима с двумя **исключениями:**

1) Привлечение к судебной ответственности главных деятелей коммунистической партии, и

2) временное лишение политических прав бывших членов компартии, имея в виду тот советский актив, на который уже и сейчас опираются солидаристы, и который годами и годами привык не стесняться **ни с чем.**

Русская контрреволюция **не будет** идиллической.

Реальная действительность России будет очень **суровой** действительностью ("Наша Страна" № **22** и **28**).

О КНИГЕ "НАРОДНАЯ МОНАРХИЯ"

"Народная Монархия" — это, конечно, не программа. Это попытка формулировать то о б щ е е ,может быть, с а м о е немногое, но зато и самое г л у б о к о е , что говорит в русском человеке и по ту, и по эту сторону рубежа. Так сказать, формулировка г о л о с а к р о в и . **Попытка прощупать то основное, что строило Россию и что будет строить ее и дальше.**

Значит — не программа.

Программ у нас очень достаточно и в нашем лагере они мало друг от друга отличаются.

Это — попытка найти неизбежность и неотвратимость н а ш и х путей, путей, по которым "желающие" пройдут п о б е д и т е л я м и , а нежелающих судьба будет отбрасывать вон.

"НАРОДНАЯ МОНАРХИЯ" — предназначена не для эмигрантского легкого чтения — она предназначена ДЛЯ РОССИИ.

"НАРОДНАЯ МОНАРХИЯ", в сущности, является попыткой исследования тех форм, в которых русский национально-государственный инстинкт проявлялся за все века существования нации и государства.
